

СТИВЕН РОБЕРТС



ПИАСТРЫ,
ПИАСТРЫ!!!

Стивен Робертс

Пиастры, пиастры!!!

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Робертс С.

Пиастры, пиастры!!! / С. Робертс — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Книга Стивена Робертса – это история простого парнишки, отправившегося на поиски приключений, история о том, как мы можем изменить свою жизнь, просто сделав первый шаг за порог обыденности... Корабли и морские сражения, дальние страны и битвы с дикарями, старинные бумаги и поиск сокровищ, пираты, abordaji, сундуки с золотом и затонувшие корабли – всё это в предыстории к знаменитому роману Р. Л. Стивенсона, написанному в лучших традициях приключенческой литературы. Стивен Робертс не отступает ни на шаг от стиля автора «Острова сокровищ», соблюдая традицию старинного авантюрного романа. Книга предназначена для всех любителей приключенческой литературы; для всех тех, кому близок дух бунтарей, некогда бороздивших океаны; для романтиков, чьи сердца сильнее стучат при таких знакомых словах: «Пиастры, пиастры!!!».

© Робертс С.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Стивен Робертс

ПИАСТРЫ, ПИАСТРЫ!!!

Повесть о пиратах и сокровищах, записанная Джеймсом Хокинсом по воспоминаниям некоторых, во многих отношениях замечательных, людей.

(Перевод Василия Поддубного)

Предисловие Посланник судьбы

Однажды, в ненастный осенний вечер в нашу дверь постучали. На пороге стоял промокший насквозь человек. Вода стекала с его треуголки, ручьями лилась с плаща на пол.

Это был высокий мужчина, с виду джентльмен, лет на десять старше меня. Он снял шляпу. Длинные седеющие волосы слиплись на лбу; глаза, глубоко запавшие, зорко сверкнули, когда он поднял голову. Худой, но не согбённый, осанку держал прямо и уверенно.

Бэн принял плащ и проводил его на свободное место у камина. Незнакомец несколько мгновений разглядывал Бэна, словно хотел спросить о чём то. Но промолчал.

За окнами лил дождь, стучал по крыше крупными каплями, ветви деревьев скрёбли по стеклу. Огонь в камине боролся с сыростью и холодом. Почти все вечера я проводил поближе к очагу, к теплу и свету. Годы брали своё, я уж давно не был тем молодым человеком, что взбирался на грота-салинг с лёгкостью обезьяны и не боялся ни ветра, ни качки. Старость подкрадывалась всё ближе болью в груди и ломотой в суставах.

Бэн подкинул поленьев, и огонь, брызнув искрами, затрещал с новой силой, разогнав полумрак гостиной. Сколько времени мы просидели молча, я сказать не могу. Время научило меня терпению, и я уж не замечал его течения. Дни были похожи один на другой, я потерял им счёт. Лишь когда в церкви звучал колокол, я понимал, что прошла ещё одна неделя, такая же пустая и скучная, как все прежние до неё.

После приветствия я не спешил заговаривать: гость был незванным, и приличия не требовали от меня ни расспросов о здоровье, ни пустых разговоров о погоде. Незнакомец также не спешил начинать разговор, сушил промокшую одежду и грел руки, протянув ладони к огню.

Он не смотрел ни на меня, ни на Бэна. Не разглядывал обстановку, словно всю жизнь провёл в моём доме, отчего всё здесь было ему известно и любопытства не вызывало. Он сосредоточенно смотрел прямо в огонь, размышляя о чем-то своём. Обдумывал начало разговора?

Подчиняясь долгу приличия, он всё-таки заговорил первым:

– Простите, что не представился сразу. Я не мог решиться назвать своё имя, так как оно довольно известно в широких кругах. Но и не назваться не смею. Врать Вам я не хочу. Потому скажу Вам, кто я. Полагаюсь на Вашу честность и тактичность. Только попрошу сохранить моё имя в тайне, как и наш разговор. Это так же и в Ваших интересах, как и в моих.

Он выждал паузу, словно давая мне возможность подумать. Его слова слегка шокировали меня своей прямоотой. Врать мне? Но зачем? Чем его имя может навредить мне?

– Можете на меня положиться, сэр. Я мало с кем общаюсь, и потому не вижу причины распространяться о нашей с вами встрече, если Вы желаете оставить её в тайне.

– Очень хорошо. В таком случае позвольте представиться: Джек Рэдхем. Штурман.

Несомненно, имя это было мне известно. Имя человека, чья слава пронеслась над водами Атлантического океана и достигла берегов старого Альбиона. Однако то было давно, и теперь почти забыто.

– Джеймс Хокинс, эсквайр, к вашим услугам. Какие пути судьбы привели Вас к нам?

– Я к вам по делу, и дело это, мне кажется, более интересно вам, нежели мне.

– Вот как? Вы меня заинтриговали!

– Именно так, джентльмены! Я хотел бы обсудить один важный для нас обеих вопрос.

– Бэн...

– Нет-нет, мистер Ганн может остаться, в некотором роде он имеет отношение к нашему разговору...

– Ганн? Вы знакомы?

Я взглянул на Бена. Тот был сам не свой. Он смотрел на гостя, словно тот явился из преисподней. Последний не отводил глаз от угольев.

– Вполне возможно...

– Обогрейтесь, выпейте грогу. В такую погоду очень легко простудиться.

– Благодарю вас, сэра. Я привык к непогоде. Однако от выпивки не откажусь.

Он принял кружку из рук Бэна и, не спеша, словно раздумывая о чём-то, начал пить. Бэн суетился более, чем обычно. Мне казалось, что-то в посетителе тревожит его, но что, он пока не мог сказать. Бен то бледнел, то краснел, то делал мне непонятные знаки у гостя за спиной. Все это я посчитал дурным предзнаменованием. Несомненно, Бэн знал нашего гостя раньше, но не имел возможности предупредить меня о чём-то, не нарушив приличий. Поэтому я мог лишь молча наблюдать, оставив выводы на потом.

Я видел перед собой крепкого, закалённого человека. Ботинки стоптанные, но недавно начищенные. Чистый, хоть и старый камзол, некогда синий, а теперь выгоревший и затёртый едва ли не до белизны, был местами аккуратно заштопан. Лицо его, обветренное, загорелое, хранило черты джентльмена, воспитанного в хорошем обществе, но много пережившего впоследствии. Тонкие пальцы с чистыми, обрезанными ногтями, крепко держали чашу, он словно и не замечал, что пунш обжигает горяч. Мозолистые ладони привыкли к веслу, а наверняка и к сабле. Весь вид выдавал человека, много повидавшего на своём веку, и рождённого командовать более, чем подчиняться.

Странное чувство посетило меня. Давно забытое, и оттого такое будоражащее. Словно я вернулся в детство, в трактир «Адмирал Бэнбоу», сижу за общим столом, за окном гроза, а передо мной старый молчаливый моряк с сабельным шрамом на щеке. Пьёт ром, поминая что-то своё, и вот-вот начнёт тихо напевать «Сатира и пастушку». Билли Бонс нередко буянил, но так же часто тихо грустил. Я любил этого человека, несмотря на все его буйства и прегрешения, любил как отца, покинувшего нас в те дни. И часто грустил о нём. И вот теперь, как тогда – дверь открылась, и на пороге снова возник незнакомец. Словно ветерок из прошлого всколыхнул догорающую свечу, принёс глоток сладкого воздуха, напоминая о былом. И предчувствие чего-то необычного, забытого и нового одновременно, заставило трепетать моё сердце.

Молча смотрел он в огонь, собираясь с мыслями. Наконец, решившись, произнёс:

– Мистер Хокинс, возможно, вы будете удивлены. Но я пришёл за своей долей с «Моржа»... Вернее, с острова...

Бэн уронил чайник. Я же несколько мгновений не мог найти, что сказать.

Видения Острова Сокровищ, вспыхнули в моём воображении яркой вспышкой, словно разбудив от долгого, скучного сна. В груди заколотилось. Воспоминания неожиданно постучали в мою дверь, и их стук вторило сердце, так, как давно не стучало, привыкнув к обыденному спокойствию сельской жизни.

Наш разговор затянулся до рассвета. Буря незаметно утихла, стены окрасились розовым в лучах восходящего солнца, а мы всё так же сидели у остывающего камина, предаваясь воспоминаниям дней, давно минувших.

Часть первая ЮНГА

Глава 1 Старый плотник

Старик был чужаком, хоть и жил в доме на холме уже много лет. Он ни с кем не общался, гостей не зазывал и сам не хаживал.

Скорее всего, я был его единственным другом. Не то, чтобы жил он, совсем с людьми не общаясь. Нет, он ходил на рынок, часто брал работу в посёлке, отёсывал брёвна и помогал возводить дома. Просто делал он это как то отстранённо, молча, не вступая в пустые разговоры. Поэтому его считали немного... Станным, что ли...

То, что мы сошлись, казалось окружающим противоестественным. Старик и мальчик. Молчаливый отшельник, и такой же неразговорчивый парнишка, избегавший компании своих ровесников. О чём могут говорить два молчуна?

А нам было о чём. Даже без разговоров, в молчании, мы могли сказать друг другу больше, чем другие за день болтовни.

Лишь со мной он мог говорить открыто, слушать и рассказывать, учить и давать советы. Именно он пробудил во мне страсть к странствиям, жажду приключений. Долгими зимними вечерами мы сидели у очага, я помогал ему собирать модель парусника, а он рассказывал о морях, кораблях, о дальних островах и неведомых землях. Мое живое воображение переносило меня далеко за океан, на теплый морской песок, под тень раскидистых пальм. В мир, куда мне никогда не попасть, и оттого ещё более манящий и желанный...

Мы познакомились случайно. Я сбежал от пустых поучений отца на речку, на моё любимое место у каменного моста в тени старого вяза. Там я сидел в тишине и покое, смотрел на резвящихся между камней рыбок, и мечтал обо всём на свете.

И вдруг увидел старика, ковылявшего с тяжёлой ношей. Он нёс продукты с рынка, два тяжелых кошель, и поминутно останавливался передохнуть, утирая пот. Не знаю, что на меня нашло. Может, я пожалел старого человека, прошедшего такое большое расстояние по солнцепёку. Может, просто хотел сделать доброе дело. Не произнеся ни слова, я подошёл и взялся за один из кошель. Старик посмотрел на меня и так же молча позволил взять ношу.

Мы поднялись на холм, где в тени могучего дуба стоял дом, построенный руками старика лет десять назад, когда он прибыл в наши края. Небольшое строение из дерева и камня, зато в два этажа, оно отличалось от наших хижин, как галеон от баржи. У нас строили просто и одинаково. Четыре стены, два окна, дверь. Крыши стелили соломой, а не дощечками, как у старика. И пол трамбовали, не стелили из досок.

А здесь всё было сделано с любовью, украшено резьбой и побелено, где надо. Большие окна выходили на запад и на восток, позволяя любоваться рассветами и закатами прямо из одной большой комнаты с камином на первом этаже, или двух комнатушек под кровлей.

Дом старика казался мне волшебным местом из старой сказки. Здесь всё пропахло романтикой далёких стран. Карта мира на стене, расчерченная линиями, стрелочками и непонятными мне пометками; старый матросский сундук в углу, вечно запёртый и манящий меня тайной своего содержимого; коллекции диковинных трубок и витых раковин. Страшная маска из потрескавшегося дерева. Иззубренный палаш, подвешенный над камином. Несомненно, испивший людской крови, и оттого пугающий.....

И самое интересное... Модели кораблей с поднятыми парусами! От них я не мог отвести взгляда, боялся дышать рядом, чтоб не потревожить застывшего покоя, не всколыхнуть остановившегося в моменте времени...

С тех пор я стал постоянным гостем в доме на холме.

Старик кормился ремеслом. Он слыл замечательным плотником, одинаково хорошо мог выстрогать рукоять топора и вырезать деревянное распятие.

А лучше всего он делал модели парусников. Он был мастером, и модели кораблей, созданные им, просто завораживали. С надутыми ветром парусами, с красивой фигурой на носу и резной кормой, они выглядели настоящими, и иногда казалось, что вот-вот на палубе появятся матросы и примутся суетиться среди мачт и такелажа, меняя галс либо убирая перед бурей паруса.

Когда ветер завывал за окнами, а случалось это постоянно, я словно чувствовал себя в кормовой каюте корабля; видел пенный след за кормой, пролетающих низко над волнами чайк, белые облака над далёкой землей. Фантазия переносила меня к таинственным островам, куда несли нас надуваемые ветром паруса. Островам, полным тайн и загадок, опасностей и неожиданных открытий. Лучшие дни своей жизни я провёл не в родительском доме, а в домике на холме, в обществе старого моряка, в окружении моделей кораблей и диковинок из дальних стран.

Время не стоит на месте. Зрение старого плотника ослабело настолько, что он не мог самостоятельно протянуть нить в отверстия маленьких блоков и юферсов, а руки дрожали, и он постоянно ронял мелкие детали. Моя помощь оказалась как нельзя кстати. Долгими вечерами мы вместе корпели над установкой такелажа, парусов, выливали в формы стволы орудий и якоря...

Меж тем, как модель приобретала всё более завершённый вид, я много узнавал о кораблях и плаваниях, звёздах и течениях. Узнавал замысловатые названия и термины, учился вязать узлы и распутывать петли. Старик научил меня читать и писать, мало кто в посёлке мог похвастать этим. И уж точно никто из моих ровесников не мог знать больше о навигации и мореходстве... Старик был хорошим учителем, рассказывал о ходовых качествах корабля, зависящих от обводов его корпуса и глубины посадки; о ветрах и течениях; о лагах, лотах и квадрантах... Обо всём на свете, что связано с морем. И я, в жизни не бывавший у большой воды, видел себя великим мореплавателем. Мой ум будоражили рассказы бывалого моряка, истории о странствиях и походах, битвах и подвигах. Эти рассказы были настолько невероятны, что я зачастую сомневался – правда это, или вымысел.

Я рассматривал кораблики так близко, что представлял себя на палубе. В мечтах переносился далеко-далеко за океан, на теплые побережья дальних стран населенных дикарями и невиданными животными, о которых столько слышал. Я был отважным капитаном, покорителем этих земель, подобным великому Колумбу или Магеллану. Ветер ласкал моё лицо, бросая солёные брызги, и солнце согревало спину, догоняя корабль в открытом море. А я стоял на баке, высматривая по курсу противника, еретика-испанца, врага всех честных англичан, дабы наказать его за все прегрешения перед Богом и Англией, захватить галеон и вернуть золото короне, как некогда поступал адмирал Дрейк! И тем самым прославиться на века, чтоб имя моё сохранено было в книгах и рассказах.

Всё это время я отдавался волшебным мечтам. Видел блеск золотого песка на теплом берегу, сверканье изумрудов в морской лазури, янтарные закаты за склонами горных вершин, сверкающих алмазами...

Как и все мальчишки, я грезил поиском сокровищ. Мечтал, что отправлюсь путешествовать, разбогатею; и самая красивая девчонка бросится в мои объятия, а все знакомые

будут смотреть с завистью на сильного, загоревшего странника, вернувшегося с большой викторией...

Жизнь моя состояла из скучной работы дома днём, но вечерами она преображалась, и я уже не был сельским паренёком, выпасавшим скот и копавшемся в огороде. Я превращался в бывалого моряка, проводившего длинные часы в компании такого же повидавшего свет морского волка. Старый Хэтч был удивительным человеком.

– Я благодарен судьбе, Билли, что свела нас, мальчишку и старика, таких разных внешне и таких близких по духу. Ты скрашиваешь моё одиночество, и пусть Господь благословит тебя за это!

И я был очень рад и признателен за его доброту и науку. В благодарность я помогал ему по дому, бегал за продуктами в лавку, приносил чистую воду из родника.

Однажды вечером он подозвал меня, и протянул что-то в сжатой ладони.

– Посмотри, Уилл...

Он раскрыл ладонь и протянул мне тяжёлый кругляш. Это была старая монета из желтого металла. Я сразу понял что это, хотя никогда раньше не держал в руках золота. Истёртая, с изломанными краями, она сверкала в свете свечи, словно в ней глубоко внутри тоже горел огонь. Я смотрел, как замороженный.

– Это испанское эскудо. Верись, мой мальчик, я своими глазами видел россыпь таких монет, столько, что и за всю жизнь не истратить! Всего в нескольких ярдах. А достать не мог! Но я знаю, денюжки эти всё ещё там, ждут старика Хэтча... Да, Уилл, ждут. Да уже не дождутся... А ведь я один знаю то место. Да видать, заберу это знание с собой. В могилу. А вот скинул бы мне Господь десяток годков, видишь... И стало бы сил на дальнюю дорогу...

Старик иногда говорил с трудом, от волнения его мучила одышка.

– Вы не так слабы, как вам кажется, сэр.

– Нет, Билли, я уже стар... Кости мои ломит в сырую погоду. Болят старые раны, мигрень не даёт уснуть. Я уже не тот моряк, который мог простоять три вахты к ряду. А затем ещё погулять на берегу, не думая об отдыхе.

И он умолк, задумчиво уставившись в пустоту, словно видел перед собой потерянную молодость. В такие моменты я никогда не отвлекал старика, а он мог часами предаваться воспоминаниям или размышлениям.

Я же смотрел на монету, думая о власти, что золото имеет над людьми. Владение одним таким кругляшом может обеспечить скромной едой на целый месяц. А ведь это всего лишь металл, пусть и редкий. Как так случилось, что жизненно важные вещи люди научились менять на то, что не согреет и не накормит? Как вышло, что владение куском металла может сделать человека богатым, сытым и одетым?

В этом была магия. Магия золота, и я принимал её, не понимая. Как принимают любое волшебство.

Иногда после ужина Генри Хетч становился разговорчивым. Тогда он много рассказывал про Панамский поход – самое большое деяние в его никчемной, как он иногда выражался, жизни.

– Морган великий был человек. Хоть и подлец изрядный. Испанцы дрожали от одного упоминания его имени. Англия доказала, что сыны её – славные воины, сильные и беспощадные к врагам, и впервые после Дрейка именно Генри Морган заставил испанцев пожалеть о том, что они вступили в войну против такой великой державы, как наша родина, Билли. И я был с ним рядом, когда мы захватили Пуэрто-Бельо. Девять кораблей и полтысячи смельчаков выступили в поход против всех сил Испании в Новом свете. И мы вернулись с победой. Сто

тысяч золотых реалов – вот цена, что заплатили еретики за свои жизни. И ещё на полмиллиона пиастров мы взяли в самом городе. Такovy были трофеи этого похода, невиданные со времён Дрейка.

Никто – ни португальцы с голландцами, ни французы не смели бросать вызов Испании, тогдашней владычице морей. Но Англия! Англия, и её гордые сыны покорили все моря, подвинув испанцев в сторону, потеснили их на всех берегах, и теперь над морями развевается крест Святого Георга!

– А другие страны? Есть ещё морские державы?

– Есть страны, имеющие выход к морю, но и только. У них не хватило ума понять, что лишь тот, кто владеет океанами – владеет миром.

– А как Англия стала Владычицей океанов?

– Благодаря таким людям, как Дрейк, Кавендиш, Морган, Фробишер. И благодаря правителям, строившим корабли. Они то и устанавливали наше знамя на диких берегах, тем самым закрепляя эти земли за Английской короной.

– Но ведь Испания не уступала?

– Конечно же, мой мальчик! Ты ведь знаешь о войне 1587 года? Но Бог тогда был на нашей стороне, и флот герцога Медина потерпел сокрушительное поражение, и большую роль в этом сыграл сэр Френсис Дрейк! Великая и Славнейшая армада сожжена была нашими брандерами и разметана в щепки бурей.

– А что теперь?

– Теперь времена не те. Всё, что могли открыть – открыли, что могли завоевать – завоевали. Может, где в океане и остались ещё неизвестные острова, да только их открытие не сравнить с открытием Нового Света или Южной Земли. Остается только удерживать ранее освоенные территории, а для этого нужен могучий флот.

– И храбрые моряки!

– И храбрые мореплаватели, мой мальчик! – улыбнулся старик.

– Когда-нибудь я стану великим мореплавателем!

– Обязательно станешь, и имя Уильям Томас прогремит над всеми морями и океанами!

За такими разговорами мы коротали длинные вечера. Больше всего меня захватывали истории о сожженных затонувших кораблях. При этом глаза Гарри словно оживали, он делался бодрее и разговорчивее, но при всём том словно что-то не договаривал. Он много рассказывал историй, которые слышал от других, но вдруг становился молчаливым, когда я спрашивал о том, что он видел своими глазами.

Глава 2

Путь в неизвестность

И вот пришёл день, изменивший всю мою жизнь.

Старик отец сам подтолкнул меня к этому, заявив снова спяну, что я сижу на его шее и он может выгнать меня из дому, лишь только пожелает. Я вспылил, терпение моё лопнуло, и я в сердцах заявил, что он может катиться к чертям со своим домом разом, а я проживу и без него.

Хлопнув дверью, я вышел за порог. Куда идти, я даже не задумывался. Ноги сами понесли меня в дом на холме.

Старик был плох, хуже некуда... Он с утра так и не встал с постели, лежал бледный и трудно дышал. Я принёс воды и приоткрыл окно, чтоб впустить свежего воздуха. Запах в комнате стоял тяжёлый.

– Я позову доктора...

– Не стоит, мальчик. Доктора тут не помогут... Бог карает за мои грехи, Уильям... Видишь, пальцы дрожат? Рука болит так, что я не в силах удержать даже ложку. Господь сердится на меня... Кровь невинных на моих руках. Вот и жжёт она, как адский огонь... А всё из-за проклятого похода против еретиков, куда втянул нас Морган! Губернатор Морган, выеши его печёнку. Ведь он стал губернатором на старости лет. Когда старые товарищи по его вине гнили на каторге. Либо болтались на виселице... Он обманул всех нас, припрятал добычу. Вопреки договору... Я то своё получил, да то не принесло мне счастья.

Он горько усмехнулся.

– Ты, Уилл, мой исповедник, пусть и не носишь сутану. Но может, господь примет моё покаяние, произнесённое вслух? Ты хороший мальчик, не знаю, пригодится ли тебе это знание. Не хочу забирать его с собой на тот свет...

Он умолк, тяжело переводя дух. Я видел, что он хочет сказать нечто важное, но колеблется.

– Боюсь, как бы не вышло хуже... – он словно размышлял вслух, но его слова предназначались и мне в равной степени. – Богатство редко приносит счастье, но бедность несомненно горше. Уж лучше...

Он протянул мне свёрток в промасленной тряпице.

– Тут вся моя жизнь, Уильям... Возьми за всё добро, что ты сделал для одинокого старика. За то, что скрасил мои дни, и умираю я не в одиночестве. Помолись за меня, когда Бог заберёт мою душу на судилище. Может, он смилуетесь... Простит грехи мои, что якорем висят на душе, тянут её вниз, влекут в адские бездны...

Он надолго умолк, взгляд его блуждал по небелёному потолку, но я понимал – смотрит он в прошлое, в уходящую жизнь, полную греха и порока. Он уже не замечал меня рядом, иногда вскрикивал что-то, при особо горестных воспоминаниях, иногда словно обращался к кому то, и умолкал, прислушиваясь к ответу.

Это пугало меня, нагоняло холодный страх. Мне казалось он умрёт, и я увижу его душу, покидающую тело. Мерещилось, что рядом её поджидают, чтобы забрать... И это уж точно не ангелы. Стало жутко. Призрак Смерти витал в этой комнате. Оставаться у постели умирающего было выше моих сил. Ничем помочь я не мог, потому поспешил покинуть комнату и выбежал на улицу.

Свежий воздух приободрил меня. Я размотал тряпицу. В свёртке были только бумаги... Хорошенькое наследство. Конечно, вся жизнь старика была здесь, в записях, и мне интересна его история... Но не сейчас. Другие заботы одолевали меня. Я сунул пакет за пазуху, решив заняться им позже.

Первым делом я сбегал за священником. Тот пришёл после заката. Я оставил их со стариком наедине. Сам же углубился в мрачные мысли... Как мне быть, если Хэтч умрёт?

Мне бы хотелось остаться жить в этом доме, где единственно был искренне счастлив. Но возможно ли это без моего единственного друга?

Оказалось, невозможно.

Когда старик скончался, я взял на себя хлопоты о похоронах. Тех денег, что Хэтч оставил в известном лишь нам двоим месте, как раз хватило, чтоб заплатить священнику и копателям, и сколотить крест. Гроб старик сделал себе сам, уж давно, ещё до нашего с ним знакомства. Он хранил в нём зерно, и дерево за несколько лет пропахло хлебом.

На следующий день после похорон мирской судья прислал приставов, и они перерыли весь дом, словно разбойники в поисках наживы. А меня выставили за дверь, так как завещания старый Генри Хэтч не оставил.

Раньше, чем это случилось, я вынес из дому кое-какие ценности, и прикопал их под дубом. Денег я не нашёл, но были вещи, возможно, имевшие кое-какую стоимость, и в будущем могли пригодиться. Ничего особенного – немного посуды, пара статуэток, подсвечники да ещё кое-что, что не могло испортиться в земле и могло оказаться полезным. Не оставлять же их скрягам-приставам.

На этом моя жизнь здесь закончилась. Пусто стало без старика. Пусто и темно. Жизнь моя в одночасье изменилась, я словно летел в пропасть. В один миг я остался без друга, без дома. Без будущего. Как дальше быть, я не знал.

В последний раз я вошёл в отчий дом. Родной дом, где родился и рос. Сердце моё затрепетало от мысли, что это, быть может, в последний раз.

Старик отец валялся на лежанке, как всегда пьяный. Он не понимал моих слов, водил мутным взглядом и бормотал что-то невразумительное. Отец так и не понял, что я ухожу из дому, и мы видимся в последний раз.

Я хотел оставить пару монет на столе, но потом решил, что не стоит. В пользу ему они не пойдут, а мне еще как пригодятся.

Я сменил рубаху на выходную, из которой почти вырос. Взял старый отцовский плащ. Одед выходные ботинки.

Весь мой скарб я сумел спрятать под рубаху – пара монет, среди которых и старый дублон, немного еды и подарок старика. Я счёл кощунством оставлять его или выбрасывать. Вес пакет имел небольшой, и я решил взять его, чтоб чтением коротать отдых в дороге. Как бы там ни было, мне была интересна жизнь моего единственного в этом мире друга. А ещё компас да старый нож, в ладонь длиной, с которыми покойный Хэтч был неразлучен в своих странствиях. Я надеялся, он принесёт удачу и мне. В любом случае, в дальней дороге лишним не будет. С этими нехитрыми пожитками и покинул отчий дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.